

ВИКТОР ТЮРИН

ОДНАЖДЫ
В АМЕРИКЕ...

ХОЧЕШЬ ВЫЖИТЬ
—
СТРЕЛЯЙ ПЕРВЫМ
КОДЕКС КАЛИБРА .45

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
Т98

Серия «БФ-коллекция»

Иллюстрация на обложке *Бориса Аджиева*

*Выпуск произведения без разрешения издательства считается
противоправным и преследуется по закону*

Тюрин, Виктор Иванович

Т98 Однажды в Америке...: Хочешь выжить — стреляй первым.
Кодекс калибра .45 / Виктор Тюрин. — Москва: Издательство
АСТ; Издательский дом «Ленинград», 2026. — 752 с. — (БФ-кол-
лекция).

ISBN 978-5-17-137488-4

Америка периода «сухого закона». Как здесь выжить молодому парню, бывшему спецназовцу, попавшему из будущего в Чикаго — город, вобравший все человеческие пороки? Смириться с выпавшими на его долю трудностями, или выпустить внутреннего зверя? Раз мир жесток и беспощаден, он станет таким же. И он стал тем, кто держит этот город в страхе.

Путь гангстера дал ему силу, деньги и власть, но забрал то, что делает человека человеком. Если раньше выражение «в Чикаго все можно купить или взять силой» он считал своим девизом, то теперь любовь к девушке и ребенок, которого они ждут, заставляют искать другой путь.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-137488-4

© Виктор Тюрин, 2026
© ООО «Издательство АСТ», 2026

ХОЧЕШЬ ВЫЖИТЬ — СТРЕЛЯЙ ПЕРВЫМ

Пролог

Я уже выходил из двери, как сильный удар в предплечье, развернув, бросил меня обратно в полумрак подъезда. Сначала плечо горело огнем, потом его сменила острая пульсирующая боль, которая вместе с теплом льющейся крови стала моим основным ощущением на этот момент. С трудом поднявшись на ноги, я сунул руку под пиджак — пальцы сразу стали липкими. Несколько секунд растерянности и недоумения прошли, после чего мозг принялся анализировать происшедшее.

«Снайпер. Но почему в плечо? — мозг сделал первую отметку. — Ранить. Сбить с толку. Задержать... Подставить? Точно. Подставить!»

Прислушался на секунду. Обычный шум двора.

«Надо уходить, пока есть силы. Но как?»

Страх и эмоции я пока четко контролировал, что нельзя было сказать про ловушку, в которой оказался, но только начал просчитывать возможные варианты, как наверху щелкнул замок, потом тяжело хлопнула дверь, а затем раздались шаги. На какое-то мгновение они прервались вскриком, после чего раздались глухие удары в дверь. Стук перемежался с истерическими женскими выкриками: «Убили! Помогите!» Где-то на верхнем этаже хлопнула дверь:

— Что случилось?! Васильевна! Это ты, что ли?! — Но женщина в панике уже опрометью неслась вниз по лестнице. В пустом и просторном подъезде старинного дома

четко прослушивалось громкое захлебывающееся дыхание, прорываемое тянущимся на одной ноте речитативом: «Ах ты, мамочка моя! Да что ж это такое! Ах ты!..»

Сейчас она выскочит во двор и... все. Снайпер запер меня в этом подъезде, заставив метаться, как крыса, загнанная в угол. Чердак и подвал отпали раньше, когда я искал пути отхода. Мозг лихорадочно пытался просчитать варианты. Убить? Использовать как заложницу? Как отвлекающий маневр? Успею? Где-то наверху хлопнула еще одна дверь. Рискну! Когда женщина пробежала мимо, я кинул ей вслед негромко:

— Ага, попалась.

Эти два слова ее словно в спину толкнули, заставив рвануться вперед с удвоенной скоростью. Несколько секунд спустя двор огласился истошным воплем:

— Караул!! Люди!! Полиция!! Убивают!!

Расчет был на то, что она отвлечет внимание, тем самым даст шанс мне уйти незамеченным. А снайпер... Что ж... Чувствуя себя рыбой на крючке, бьющейся изо всех сил, но ничего не могущей поделать, мне только и оставалось, что рисковать.

Сразу вслед за женщиной, рывком, выскочив из подъезда, я метнулся под защиту густого кустарника, растущего прямо под окнами первого этажа. Не успела зелень скрыть меня, как в следующий миг послышался мягкий шлепок о кирпич, прямо рядом с моей головой. Это был звук пули, ударившей в стену. Крысу хотят загнать обратно в угол?! Не выйдет! Скользя за кустами, я слышал, как к истошным крикам женщины прибавились крики переполошенных жильцов соседних домов:

— Полиция!! Васильевна! Да что случилось?! Полиция!! Женщина, да что произошло?!

За полминуты, предоставленные мне судьбой, я сумел добраться до следующего подъезда. Сердце замерло, когда

я увидел открытое пространство перед подъездом, но тут же снова забило о грудную клетку. На веревках перед подъездом сохло белье, частично закрывая обзор снайперу. Последующий рывок — отрезок времени оказался для меня растянут на века. Вот сейчас...

Только нырнув в прохладный полумрак подъезда, я осознал, что жив и, возможно, буду жить. Я уже закрывал за собой дверь подвала, когда услышал нарастающий рев форсированного двигателя, спустя несколько секунд резко оборвавшийся. Вместе с ним притих и гул голосов, благодаря чему голос Васильевны прозвучал особенно громко:

— Тот подъезд!! Тот! Убийца там!!

Услышав щелчок захлопнувшегося замка, я щелкнул выключателем. Тусклый свет озарил грязно-серые стены. Пройдя всю длину подвала, открыл ключом дверь, которая соединяла подвал с подсобкой магазина, выходявшего на другую сторону улицы. Пройдя мимо двух грузчиков, воровавших коробки, вышел через грузовой подъезд магазина на улицу. Бросил взгляд на рану. На черной коже пиджака кровь почти не была заметна. Рубашка и подкладка пиджака стали своеобразным тампоном, но потеря крови давала себя знать. Голова мягко кружилась. Слабость обволакивала все больше, каждый последующий шаг давался мне все труднее. Неожиданно в спину ударил рев полицейской сирены. Именно он заставил меня собрать все оставшиеся силы и пойти быстрее.

Мое везение закончилось вместе с возбуждением, которое, гоня по крови адреналин, держало меня на плаву. Остановившись, я прислонился к стене и закрыл глаза. Желание присесть, а еще лучше прилечь тянуло меня к земле. Сумев преодолеть слабость, я оторвался от стены и, пройдя еще два десятка шагов, свернул за угол. Оглядевшись, понял, что это не очередной двор, а тупик, приспособленный под помойку. Возле трехметровой стены, старой кирпичной кладки, стояли несколько мусорных баков и сломанная скамейка

с облупившейся краской. Неожиданно боль с такой силой вцепилась в мое плечо, что ноги разом стали ватными, а в глазах потемнело. Двор — тупик, мусорные баки...

Открыл глаза. Вечерело. Попытка пошевелиться сразу отдалась в области плеча ввинчивающейся болью. Осторожно сунул руку под пиджак — рубашка с подкладкой кожного пиджака, набухнув, взяли на себя роль тампона, не дав окончательно истечь кровью. На следующее мое движение в ребра ткнулась рукоятка ТТ. Мой клиент хотел, чтобы убийство выглядело как попытка вооруженного ограбления, но не как заказное, поэтому от пистолета, бумажника и часов я собирался избавиться позже. Некоторое время пытался придать телу более удобное положение. Когда мне это удалось, вдруг неожиданно почувствовал на себе чей-то взгляд. Рука сама поползла к рукоятке пистолета. Желание жить на какое-то время заглушило грызущую плечо боль. Звуки и время словно замерли. Рука сжала рукоять ТТ. «Ну! Давай! Выходи...»

— Мужик, ты че?

Не успела фраза прозвучать, как меня отпустило. Я снова вернулся в мир людей: услышал гудение двигателей, звонкий смех девушки, ощутил резкую прохладу весеннего вечера и... вонь. Кислый, противный запах. К горлу подкатил комок. В это время над баками появилась голова. Мутный взгляд, седая щетина недельной давности, отеки под глазами. Тупая растерянность бомжа подсказала мне, что делать дальше. Выпустив рукоятку пистолета, я ткнул в его сторону пальцем, при этом с трудом выдавив из себя пересохшими губами:

— Ты кто, мужик?

Это была попытка прикинуться пьяным, который, придя в себя, пытается понять, где он очутился. Муть в голове, соединившись вместе с болью, помогла мне в создании образа. Икнув для антуража, я бросил взгляд вокруг себя.

Лицо бомжа несколько просветлело, когда до него дошло, что происходит. Обычная, жизненная ситуация. Напился человек и заснул, а что на помойке, так дело житейское.

— Я? Я — Жига. Меня тут все знают. Ты чего здесь? Отлить зашел и вырубился?

— Уга-дал, — губы были словно деревянные, с трудом протолкнув слово.

Я снова начал плыть. Понимая, что вот-вот отключусь, я пошел ва-банк:

— Ты поблизости живешь? — После его кивка головой, я продолжил: — Выпить... хочешь?

— Вопросов нет, — четко отрапортовал санитар города, правда, после легкой заминки все же добавил: — Ежели ты ставишь, конечно.

Попытка встать на ноги с помощью Жиги удалась с первого раза. Я даже смог почти самостоятельно проделать часть пути, под стеклянный перезвон бутылок, несшийся из потертого полиэтиленового пакета, пока окончательно не провалился в небытие.

Старый торшер освещал кусок стены, покрытый старыми, местами вздутыми, обоями. Окон не было. Отсюда нетрудно было сделать вывод: я нахожусь в полуподвале. Слегка повернув голову, я встретился глазами с Жигой. Пока я пытался сообразить, как разговаривать с хозяином подвала, он начал действовать. Рванув без всякой жалости присохшую к ране рубашку, он плеснул на рану водку из бутылки, которую держал в левой руке. Этого я никак не ожидал. Его горестный вздох утонул в моем вопле. Рука автоматически рванулась к поясу, но пистолета не было на привычном месте. Приподняв голову, только тут я увидел, что мой пиджак вместе с пистолетом валяются рядом с матрасом, на котором я лежал. Жига, тем временем, приложился к бутылке. Кри-вась, сделал пару больших и быстрых глотков. На секунду

замер, словно прислушиваясь к себе, затем протянул мне. Я брезгливо качнул головой.

— Как хочешь. «Скорую» вызвать?

Я снова отрицательно качнул головой.

— Почему-то я так и думал, — лицо его стало медленно наливаться нездоровой краснотой. — Давай на бок.

Таким же варварским способом он обработал выходное отверстие. Достав из пакета вату и бинт, перевязал меня. Не успел я с тяжелым вздохом перевернуться на спину, как бомж сунул мне под нос свою грязную лапу, на которой лежали две капсулы и таблетка.

— Это что? Откуда?

— Не бойсь. Не колеса. Из аптеки. Эти две болеутоляющие, а это... блин! Уже забыл! Короче, против воспаления. Ну, что смотришь! Жуй! Из аптеки, точно говорю, — некоторое время мы смотрели друг на друга, после чего он запустил руку в рядом лежащий полиэтиленовый пакет и шарил там до тех пор, пока на свет не появилась сначала коробочка, а потом пластина, запаянная в фольгу. — На. Смотри. Недоверчивый ты наш.

С этими словами он бросил мне упаковки на грудь. Я взял их здоровой рукой, прочитал названия, после чего столкнул на пол. Это было не совсем то, что нужно, но, учитывая данные обстоятельства, вполне терпимо.

— Давай таблетки. И воды. Пить хочу.

После перевязки всколыхнутая боль стала медленно спадать. Дойдя до определенного предела, она остановилась, но усталость, температура и таблетки сделали свое дело, и я заснул, словно провалился в темный омут. Не знаю, сколько так проспал, но в какой-то момент меня что-то вытолкнуло из сна и только через несколько секунд мне стало понятно, что виной этому была не боль, а человеческий взгляд. Не сразу стало понятно, что это лицо хозяина подвала, так он изменился за то время, пока я спал. Его ожившие глаза сейчас

рассматривали меня с доброжелательным любопытством. Судя по всему, он сейчас находился в том состоянии, когда подпитые люди жаждут общения.

— Уж извини. Пока ты был в отрубе, я порылся у тебя в карманах, — приняв мое молчание за одобрение, продолжил: — Ну, вот и хорошо. Меня Жига зовут. Впрочем, я это тебе, похоже, говорил. Кто ты, не спрашиваю. Слушай... я к чему разговор веду. Я тут... пожрать купил. Тебе есть надо. Здоровье восстанавливать. Сам понимаешь...

Не обращая внимания на его болтовню, бросил несколько быстрых взглядов вокруг себя. Увидев лежащий на сером солдатском одеяле, в нескольких сантиметрах от моей руки, пистолет, я не смог удержаться, чтобы не прикоснуться к нему. Хозяин подвала, заметив мое движение, сразу сменил тему:

— Во, во! Как же без инструмента! Профессионал, он же сразу чувствует. Тут уж, что в человеке заложено. Кому от черта, кому от бога. У меня от бога был талант. У меня ведь руки были, — тут он прервался, чтобы сделать глоток водки из пластикового стаканчика, — золотые! Послушай...

Лежа на грязном, засаленном матрасе, постеленном прямо на полу, я смотрел в возбужденное лицо алкоголика, создавая видимость внимания, а сам стал думать о том, что же пошло не так. При этом настолько сильно углубился в свои мысли, что совсем забыл о хозяине подвала и, когда мне под нос сунули две грязные лапы, я инстинктивно отдернул голову, а затем с трудом сдержался, чтобы не обругать его.

— Ты посмотри на них! Посмотри! Было время, когда эти руки творили искусство. Не веришь?! Сейчас, погоди!

Вскочив, Жига неровной, покачивающейся походкой побежал в дальний угол, где стал рыться в облезлой тумбочке. Некоторое время он что-то перекадывал, затем воскликнул:

— Вот он! Он не даст соврать! Этот альбом я пронес через все!

С толстой книгой, заляпанной жирными пятнами и захватанной так, что потеряла свой первоначальный облик, он вернулся ко мне. Книгой оказался цветной альбом — каталог татуировок.

— Здесь мои мысли, чувства, мое сердце и душа... — его пространная речь продолжалась некоторое время, пока он неожиданно не сменил тему разговора: — Слушай! У тебя на предплечье орел изображен. Хорошо сделано! Но орел — это небо! Простор! А у тебя его нет. Понимаешь, нет! Один маленький штрих. Разреши, а? Ты не смотри на меня! Я сейчас в самой норме! Уважь, а? Как-никак я твой спаситель.

Минуту молчал, не зная, что ответить на странную просьбу. Послать его... С другой стороны, он был пока нужен...

«Черт с ним!»

— Все, — дыхнув на меня сивушным перегаром, благоговейно произнес Жига. — Иде-аль-но.

Пока спившийся татуировщик любовался творением своих рук, я вдруг почувствовал себя как-то необычно. Прислушался к себе. Это не было тревожным звонком — проявлением инстинктов, не раз спасавших мне жизнь, это было нечто совсем другое. Ощущение, превращающее объемный и яркий окружающий мир в тусклые и плоские декорации, оставляя меня наедине... Резкий стук в дверь отвлек меня, но еще не освободил полностью от непонятного состояния. Только это дало возможность Жиге первому открыть рот.

— Хорош стучать, уроды! Дверь сломаете! Да открою сейчас, открою!

Он только начал подниматься с колен, как взгляд, задержавшись на моем перевязанном плече, заставил его замереть. В дверь снова застучали. Глаза Жиги растерянно бегали от меня до двери и обратно. Он явно растерялся. Стук снова повторился, но уже более сильный и настойчивый. Пальцы сами вцепились в рукоять пистолета. Я четко, отделяя сло-

ва друг от друга, чтобы они проникли в затуманенный мозг алкоголика, сказал:

— Подойди. Спроси. Но не открывай.

В ответ он кивнул головой, после чего поднялся с колен и медленно, словно во сне, пошел к двери.

— Кого принесло?!

— Жига, открывай! У меня пузырь! В натуре!

Голос был сильный и резкий, явно не принадлежавший полупьяному приятелю бомжа.

«За мной!»

Страх, отодвинув боль, помог мне сесть, прислонившись спиной к облезлым обоям. Жига в растерянности топтался у двери. Я передернул затвор и стал медленно поднимать пистолет, стараясь раньше времени не напрягать руку.

«Если удастся убить всех — будет шанс. Иначе...»

В следующую секунду хлипкий замок был выбит сильным ударом. Дверь, резко распахнувшись, сбила с ног хозяйку на подвала, а уже в следующую секунду в сдавленный вопль Жиги вплелись негромкие хлопки. Один, второй, третий. Стреляли наугад. Брали на испуг, на неожиданность, пытаясь понять, где я и какотреагирую. Вслед за выстрелами, в подвал в прыжке влетел человек.

Пистолет дважды дернулся в моей руке, и тело незваного гостя вместо того, чтобы красиво уйти в перекат, глухо шлепнулось на старый потрескавшийся линолеум. Ствол моего пистолета уже развернулся к дверному проему, ловя следующую мишень, как в грудь словно ударили гигантским кулаком, выбив из меня весь дух. Рука с оружием безвольно упала. Окружающий мир стал меркнуть...